

И. З. СЕРМАН

И. Ф. БОГДАНОВИЧ — ЖУРНАЛИСТ И КРИТИК

Судьба литературного наследия Богдановича сложилась так, что до 40-х годов XIX века его произведения систематически переиздавались, в «Душеньке» видели талантливое поэтическое произведение, у автора отмечали истинное чувство народности. Но уже в 1841 году Белинский, ранее в «Литературных мечтаниях» очень благосклонно судивший о «Душеньке», отказал творчеству Богдановича в каком бы то ни было живом литературном значении. Ушла в прошлое романтическая эпоха, и шутливая поэма-сказка Богдановича оказалась ненужной в соседстве с творчеством Гоголя и Лермонтова. Если в дальнейшем литераторы все же и говорили о «Душеньке», то остальное творчество Богдановича было совершенно забыто. Между тем для истории русской литературы и журналистики 1760—1780 годов журнальная и критическая деятельность Богдановича имела серьезное значение.

Эпоха, в которую жил и писал Богданович, еще не знала профессиональной литературной критики. По-прежнему, как и в те времена, когда полемизировали между собой Ломоносов, Сумароков и Тредиаковский, критикой занимались сами писатели. В 1750—1760-е годы критика чаще выступала в виде пародий и памфлетов. В 1770-е годы она постепенно отделяется от других жанров журнальной прозы. В журналах и газетах появляются краткие рецензии-отзывы о новых книгах, перерастающие в программные литературно-критические выступления. Богдановичу как редактору-издателю «Собрания новостей» принадлежит почин в этом нововведении: он сделал литературную критику составной частью журнала, его постоянно действующим отделом.

В 1763 году совместно с Е. Р. Дашковой Богданович издавал журнал «Невинное упражнение». В своей автобиографии он

об этом пишет так: «...употреблен был к соучаствованию в издаваемом под ее <кн. Дашковой> покровительством журнале, названном „Невинное упражнение“». ¹ Издание этого журнала прекратилось в июне 1763 года «по многим неотвратимым препятствиям и, в первых, потому, что как издатели, так и те, кои подписались брать наш журнал, из Москвы разъехались». ² Участники «Невинного упражнения», кроме Дашковой и Богдановича, нам неизвестны. В отличие от «Полезного увеселения», где все произведения имеют авторскую подпись, в этом журнале все напечатано анонимно, и авторство Богдановича устанавливается благодаря позднейшим перепечаткам его произведений в сборниках и отдельными изданиями. Так, сборник стихотворных произведений Богдановича «Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя» (1773) позволил установить его авторство в отношении целого ряда анонимных стихотворений, напечатанных в «Невинном упражнении». В частности, принадлежность Богдановичу перевода вольтеровской «Поэмы на разрушение Лиссабона» подтверждается тем, что отрывок из этого перевода под названием «Философические мысли г. Волтера» был напечатан в «Лире».

В «Полезном увеселении» Богданович был только сотрудником, хотя и очень заметным; в «Невинном упражнении» он был фактически соредактором и в значительной степени мог влиять на общее направление журнала и подбор материала в нем. Степень участия Дашковой в редакционной работе по «Невинному упражнению» можно установить предположительно.

Зимой 1762—1763 годов положение новой императрицы было неустойчиво. Исход борьбы за власть и влияние на Екатерину II между Орловыми и Паниными еще не был решен; Екатерина лавировала и взвешивала, какой группе ей отдать предпочтение, хотя победа Орловых уже в основном определилась. ³ Для Дашковой общий ход событий осложнялся ее неудовлетворенными честолюбивыми чаяниями. Преувеличивая свою роль в «революции» (так называли тогда за границей переворот 28 июня 1762 года), Дашкова рассчитывала на предоставление ей большей доли участия в государственных делах и на больший раз-

¹ «Русская поэзия», под ред. С. А. Венгерова, т. I. СПб., 1897, стр. 553.

² «Невинное упражнение», 1763, июнь, стр. 304.

³ См. об этой борьбе: Г. А. Гук о в с к и й. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750—1760-х годов. ГИХЛ, М.—Л., 1936, стр. 146—160.

мер награждения. Однако надежды ее не сбылись, и ее разочарование еще усугубили мелкие обиды на коронационных торжествах. «Зимой 1762—1763 гг. между тем как одни увеселения сменялись другими и Москва представляла беспрерывный ряд праздников, Екатерина Романовна заключилась в тесном семейном кругу и почти перестала являться при дворе».⁴ Но, по-видимому, это полудобровольное удаление от двора не означало отказа Дашковой от участия в придворно-политических интригах. Во всяком случае в мае—июне 1763 года Екатерина II подозревала ее в участии в заговоре Хитрово.⁵ Иловайский ссылается на сообщение французского посла в России Беранже, где приводился ответ Дашковой на письменный вопрос Екатерины II, что знала она о новом заговоре: «Ваше величество, — отвечала Дашкова, — я ничего не слыхала; да если б и слышала что-нибудь, то, конечно, не сказала бы. Что вам угодно от меня? Чтоб я умерла на эшафоте? Я готова».⁶ Так или иначе, но в результате полудобровольного отхода Дашковой от придворной жизни у нее, по-видимому, освободилось время для литературных занятий, а ее оппозиционные настроения по отношению к новой императрице, вероятно, отразились и на общем характере журнала.

Группа Хераскова, возобновившая в 1763 году свою литературную деятельность изданием журнала под названием «Свободные часы», дружно поддерживала Екатерину II в одах и стихах, к ней обращенных. Своим отношением к новой императрице «Невинное упражнение» отличается от «Свободных часов» очень существенным образом. Оно совершенно воздерживается от всяческих высказываний в адрес Екатерины II. В литературных условиях того времени это означало, что журнал занимает выжидательную, если не прямо враждебную ей позицию.⁷

Журнал открывался «Письмом к читателю», в котором издатели делали вызов современной им критике: «Некоторые молодые авторы, при вступлении своем в письменную республику, извиняются в своих погрешениях перед читателями и просят критиков о пощаде, предлагая, что начальные сочинения не могут быть столь исправны, как последующие. Но мы, будучи

⁴ Д. И. Иловайский. Екатерина Романовна Дашкова. «Отечественные записки», 1859, т. 126, отд. I, стр. 258.

⁵ См.: Е. Р. Дашкова. Записки. СПб., 1907, стр. 80—81.

⁶ Д. И. Иловайский. Екатерина Романовна Дашкова, стр. 259 (депеша Беранже от 15 июня 1763 года).

⁷ См. об этом: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 144—145.

в таковых же ныне обстоятельствах, напротив того всех вас, благосклонные читатели, просим, чтоб как можно больше нас критиковать и осмеять, только б критика была справедлива и осмеяние разумно. Мы, утаив свои имена, станем в последнем вам подражать, а от первого исправляться».⁸

Появление в Москве в 1763 году двух новых литературных журналов было отмечено в единственном тогда в Петербурге журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие».

Автор заметки, по всей вероятности академик Миллер, очень расположенный к журналу Хераскова, с некоторым недоверием отнесся к «Невинному упражнению» и его «издателям». Возможно, что Миллер знал о тех, кто фактически создавал журнал, и некоторая настороженность в его сообщении объясняется тем, что ему было известно о неприязненном отношении Екатерины II к Дашковой: «С начала сего года стали выходить при императорском университете два новые ежемесячные сочинения: одни „Свободные часы“, другие „Невинное упражнение“ называемые. „Свободных часов“ издатель, а по большей части и сочинитель, есть надворный советник господин Херасков, который прежде и „Полезное увеселение“ издавал, и уже давно приятными своими стихотворческими сочинениями снискал себе достойную похвалу. Издатели „Невинного упражнения“ знать о себе не дали. В письме к читателю объявлено, что они молодые авторы... Молодых авторов ободрять должно, дабы в начатом деле не ослабевали, но паче бы усугубляли похвальное свое прилежание, к общей пользе склоняющееся».⁹

Во всяком случае, когда «Невинное упражнение» прекратилось, Миллер не выразил по этому поводу никакого сожаления, отметив в то же время общее сочувствие к «Свободным часам»: «Московские ежемесячные сочинения, „Невинное упражнение“ называемые, с июнем месяцем пресекались, а „Свободные часы“ господина... Хераскова с общею похвалою продолжаются».¹⁰

Редакторы и авторы «Невинного упражнения» использовали официально провозглашенное Екатериной в ее манифестах свободомыслие — в журнале популяризировались и переводились новейшие произведения французской просветительской литературы. Однако в собственно политических вопросах журнал был очень осторожен и воздерживался от каких бы то ни было смелых суждений.

⁸ «Невинное упражнение», 1763, январь, стр. 3.

⁹ «Ежемесячные сочинения», 1763, март, стр. 280.

¹⁰ Там же, июль, стр. 282.

В программной «Речи о равенстве состояний»¹¹ (перевод), открывавшей первый номер журнала, ставилась одна из существенных проблем общественной мысли XVIII века, но решение, предложенное ее автором и, по-видимому, вполне приемлемое для анонимного переводчика, сводилось к утверждению, что естественное равенство людей никак не может быть основой их общественного, социального равенства:

Производя нас в свет, премудро божество
Желанье, разум, страсть вложило в естество;
Приятные часы, дни горестные дало.
Вот нашего бытия нестройного начало!
Из них всяк человек здесь состоит равно,
И равновесие в нас бог вложил одно.¹²

Переводчик русифицировал авторский текст, вставив в него и Москву, как место действия, и русские имена: Сидор, Карп, Флор и др. Можно усмотреть в тексте и ряд намеков, звучавших злободневно после бурного 1762 года и в обстановке еще неутихшей борьбы придворных партий. Таково, например, упоминание о царе и временщике:

Хоть временщик его с трудом на мя взирает,
Он тварь, где подлый дух и гордость обитает.

Подобная же тирада находится в «Епистоле», где осуждается пресмыкательство придворных перед временщиками:

Коль на придворных мы жильцов тогда взираем:
Мы гордых подлецов в них только обретаем,
Которы важностью отягчены пустой,
Теряя дни свои, стремятся за мечтой.
Приятно зреть как их все горести терзают,
Как ползают они и как собой скучают.
Временщика хвалой стараются взносить,
Чтоб милость от него какую получить
Именем они людей несчастных льстятся
И подлостью себе то испросить стремятся,
И как, быв жертвою корысти и рабом,
Несчастьем всего лишаются потом.¹³

«Невинное упражнение» уделяло больше внимания общеэтическим и философским вопросам, чем собственно политике. Основными выступлениями журнала по этим вопросам были статьи «Об источнике страстей» (перевод Е. Р. Дашковой) и «Поэма на разрушение Лиссабона» Вольтера (перевод Богдано-

¹¹ «Невинное упражнение», 1763, январь, стр. 5—10.

¹² Там же, стр. 10.

¹³ Там же, март, стр. 133.

вича). «Об источнике страстей»¹⁴ представляет собой перевод из книги Гельвеция «Об уме» и содержит главы IX—XIV из «Рассуждения III». Перевод сделан без пропусков и довольно точно передает смысл подлинника.

Книга Гельвеция¹⁵ вышла в первой половине августа 1758 года, вызвала бурю возмущения, была запрещена, сожжена по приказу короля, и автор публично от нее отрекся. Это не помешало идеям Гельвеция получить самое широкое распространение. Книга Гельвеция была одним из самых сильных выступлений философии XVIII века против абсолютистского, феодально-иерархического строя, освященного религией и поддерживаемого церковью; она вся пронизана материалистическими идеями, и потому даже перевод четырех глав из нее был полезной услугой русской общественной мысли того времени. Книга Гельвеция, известная ранее только узкому кругу аристократов-вольнодумцев,¹⁶ становилась доступной и русскому читателю, не знавшему французского языка.

При всей важности перевода книги Гельвеция перевод «Поэмы на разрушение Лиссабона» имел еще большее общественное значение. В поэме Вольтера были подняты самые насущные религиозно-философские вопросы — проблема происхождения мирового зла, его оправданности и закономерности, подвергнута серьезной критике философия оптимизма Лейбница-Попа.

Лиссабонское землетрясение 1 ноября 1755 года поразило современников своей неожиданностью и размерами причиненных им бедствий. Об этом очень взволнованно через полустолетие написал Гете: «В первый раз душевное спокойствие мальчика испытало глубочайшее потрясение под влиянием одного чрезвычайного всемирно-исторического события. 1 ноября 1755 года произошло лиссабонское землетрясение, поразившее необыкновенным ужасом весь мир, давно уже привыкший к тишине и покою. Большая и пышная столица, бывшая в то же время торговым городом и портом, неожиданно поражена ужаснейшим бедствием... Шестьдесят тысяч человек, которые еще за минуту перед тем жили спокойно и уютно, гибнут одновременно, и счастливейшими из них следует признать тех, которые уже не могут чувствовать и сознавать несчастья... Мальчик, которому

¹⁴ Там же, январь, стр. 28—32, гл. IX; февраль, стр. 61—65, гл. X; март, стр. 136—144, гл. XI; апрель, стр. 157—165, гл. XII; май, стр. 232—240, гл. XIII; июнь, стр. 271—285, гл. XIV.

¹⁵ Helvetius, De l'Esprit. Paris, 1758.

¹⁶ В библиотеке АН СССР в Отделе редкой книги хранится экземпляр этого издания с автографом: «Catherine Vorontzoff», т. е. К. Р. Дашковой.

много раз приходилось слышать все это, был немало поражен. Бог, создатель и хранитель неба и земли, которого первые объяснения религии изображали ему столь мудрым и милосердным, оказался вовсе не таким любящим отцом, одинаково погубив и правых и неправых. Напрасно молодая душа старалась восстановить в себе равновесие, нарушенное этими впечатлениями, тем более, что мудрецы и ученые писатели не могли согласиться между собою, как следует смотреть на это явление».¹⁷

Переписка Вольтера сохранила многочисленные его отклики на лиссабонское землетрясение.¹⁸ Оно заставило Вольтера окончательно порвать с оптимистической философией Лейбница-Попа, оправдывавшей всякое проявление зла в мире благими предназначениями божества. Первое издание поэмы (в начале 1756 года) было встречено враждебно не только церковниками и официальной философией, но и в среде просветителей. В июле 1756 года Вольтер выпустил новое издание поэмы, прибавив к нему обширные примечания, разъясняющие его воззрения, изложенные в поэме. Гримм назвал философию Вольтера в этой поэме «мизерной, узкой и ложной»; Руссо, прочитав «Поэму на разрушение Лиссабона», обратился к ее автору с пространном письмом-трактатом (от 18 августа), полным возражений и осуждений.

Знакомство русских читателей с вопросами, поднятыми в поэме Вольтера, началось с этого письма Руссо, так как оно появилось в русском переводе за полгода до публикации в «Невинном упражнении» «Поэмы на разрушение Лиссабона».

В журнале «Собрание лучших сочинений» профессор Рейхель поместил перевод письма Руссо, предпослав ему «Примечания к следующему письму, посланному от г. Руссо к г. Вольтеру».¹⁹ Рейхель отрицательно оценивает и поэму Вольтера, и «Кандида», в котором также дается критика философии оптимизма. Позиция Рейхеля нисколько не оригинальна, такова была реакция официальной науки во всей Европе на вызов, сделанный Вольтером самым основам философского идеализма и религиозной метафизики XVIII века: «Его поэма, писанная в случае падения Лиссабона и худая его книга, названная «Кандид, или Оптимизм», мало похвалы заслужили от разумнейших людей... когда важнейшие дела переменяет на шутки и когда

¹⁷ Гете, Собрание сочинений, т. IX, М., 1925, стр. 44—46 («Поэзия и правда»).

¹⁸ См.: К. Н. Державин. Вольтер. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 133, 141.

¹⁹ «Собрание лучших сочинений», 1762, ч. 3, стр. 231—232. (В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте).

старается осмеять довод философский, который, ежели только порядочно уразуметь и изъяснить благодать, святость, истину и невинность Божию, в рассуждении происхождения зла в сем свете, сохраняет и защищает приятным всем христианам способом. . . Бедное есть расположение, ежели мы захочем восставать против непоколебимой истины одними смешными шутками; и ежели то, что все добронравные содружества за важное и святое почитают, комедиянскими шутками затмить захочем. Вечного достойно сожаления! что великий Волтер презрительное сие коварство во всех своих сочинениях весьма часто употребляет. В рассуждении истории, свет его без печали позабудет» (стр. 231—232).

Но и Руссо для Рейхеля почти так же мало приемлем, как Вольтер. Не разделяя общественно-исторических взглядов и идеалов Руссо, Рейхель пытается использовать его письмо против вольтеровской поэмы для защиты религии и религиозной морали: «Следующее письмо вооружается противу Волтера учтивейшим и сильнейшим купно образом. И хотя не во всех доказательствах г. Руссо мнение и доводы похваляю, его письмо для сей токмо причины истолковал, чтобы примером столь славных мужей показать, с каким благоразумием сочинения славных мужей читать должно и в какие опасности наше юношество вдается, ежели все без размышления читает, что в книгах славнейших мужей и новейших сочинителей находится; ибо чем новейшие многие сочинители суть, тем изобильнейшие суть дерзновенными и безрассудными мнениями, тем скуднейшие основательностью и полезною истиною. Судьба сих подобна перемене платья» (стр. 233—234).

Смелый ниспровергатель традиционных взглядов и общественных предрассудков, Руссо не мог отказаться от религиозного утешительства в системе своих взглядов. Ему казалось, что вольтеровская критика божественного промысла отнимает у человека последнее утешение, лишает его моральной опоры: он писал Вольтеру: «Поэма господина Попия облегчает мои бедствия и подкрепляет мое терпение. Ваша, напротив того, ожесточает мои скорби, возбуждает к роптанию и, лишая меня всего, кроме колеблющейся надежды, приводит меня в отчаяние. В сем удивительном противоположении, которое находится между тем, что вы устанавливаете, и тем, что я испытываю, прекратите неуверение меня колеблющее и скажите, кто из нас заблуждает в мысли или рассудке?» (стр. 238). В ответ на тезис Вольтера о том, что жизнь человеческая теряет всякий смысл, если ее на каждом шагу подстерегает неожиданная и нелепая смерть, Руссо утверждает, что ценность жизни в ней самой и

что смерть не всегда нужно считать несчастьем. Обнаруженное Вольтером противоречие действительности Руссо пытается разрешить диалектически, показать, что понятия счастья и несчастья соотносительны и могут быть осознаны и определены только во взаимосвязи, но при этом его диалектика оказывается идеалистической и разрешение противоречий поэтому мнимым: «Есть много приключений, которые нас часто больше или меньше поражают, смотря по видам, под которыми мы об них рассуждаем и которые много теряют своего ужаса, внушаемого ими при первом рассмотрении, когда мы ближе их исследуем. Я выучился из „Задига“, и при том натура утверждает меня ежедневно, что скоропостижную смерть не должно всегда почитать сущим злом, но иногда некоторым благополучием. Из толикого числа придавленных людей лиссабонскими развалинами многие без сомнения избежали великих бедствий. Хотя таковое описание заключает в себе много трогательного и способствует к стихотворению, однако неизвестно, чтоб кто из сих несчастных больше бы претерпел, если бы он, по обыкновенному течению вещей, ожидал в продолжительных скорбях смерти, которая теперь его нечаянно постигла» (стр. 243—244).

Опубликованные последовательно одно за другим письмо Руссо и поэма Вольтера превращали читателей русских журналов в свидетелей одного из самых значительных философских споров середины XVIII века. И тем большее значение приобретает инициатива Богдановича — перевести «Поэму на разрушение Лиссабона».

Содержание поэмы не исчерпывалось ее текстом. Предисловие и особенно примечания дополняли поэму блестяще написанными критическими оценками важнейших положений философии оптимизма. Перед Богдановичем стояла трудная задача: познакомить русского читателя также и с примечаниями Вольтера или каким-нибудь иным способом дать знать об их существовании. По-видимому, напечатать примечания вместе с поэмой было невозможно по цензурным причинам. Тогда Богданович применил такой остроумный прием: во всех случаях, когда какое-либо место поэмы сопровождается развернутым примечанием, переводчик в сноске указывает: «Смотри примечание в конце фоанцузской поэмы». При большой распространенности Вольтера в России любознательный читатель, владевший французским языком, легко мог последовать этому указанию.²⁰

²⁰ См. об этом в наших примечаниях к «Поэме на разрушение Лиссабона» в кн.: И. Ф. Богданович. Стихотворения и поэмы. Л., 1957, стр. 241—244. Нам удалось установить оригиналы еще некоторых произ-

В контексте литературных и философских споров эпохи деятельность Богдановича как соредатора «Невинного упражнения» и переводчика поэмы Вольтера получает серьезное значение.

Умеренный либерал в вопросах политических, Богданович в первом опыте своей журналистской работы выступает как активный пропагандист передовых явлений просветительской философской мысли, как сторонник скептицизма, если не атеизма, в вопросах религии.

В 1775—1776 годы А. Ф. Богданович издавал журнал «Собрание новостей» (с сентября 1775 по декабрь 1776 года). Это был первый журнал, возникший после победы правительства Екатерины II над крестьянским восстанием. Учитывая события 1773—1775 годов, императрица предприняла ряд мер к упрочению режима самодержавия и к предотвращению возможных вспышек народной борьбы против крепостничества. Одним из важнейших ее мероприятий было разделение России на губернии вместо прежних обширных наместничеств, т. е. усиление бюрократическо-полицейского контроля в провинции. В Петербурге и Москве принимались меры к прекращению роста цен на продовольствие; законодательным путем правительство пыталось умерить погоню за роскошью и т. д.

Для большинства писателей предшествовавшего десятилетия годы пугачевского восстания и последовавшей за ним правительственной реакции оказались эпохой кризисной, переломной. Одни (Чулков, Попов) совсем отказались от оригинального литературного творчества, занялись переводами или компиляциями; другие (Херасков, Майков) в значительной степени отказались от либеральных политических взглядов и от фрондерской оппозиционности самовластию.

Богдановичу не пришлось переживать какой-либо резкой перемены во взглядах, не пришлось отказываться от чего-либо существенного в своем мировоззрении. Он никогда не был сторонником радикальных политических идей, его увлечение либерализмом не выходило за пределы теории просвещенного абсолютизма, поэтому он мог принять новую общественно-политическую ситуацию в стране без больших колебаний и внутренней борьбы. Более того, ему казалось, что теперь после установления внутреннего спокойствия и внешнего «замирения» (в 1774

ведений, напечатанных в «Невинном упражнении»: басня «Обезьяна» (стр. 37) — перевод одноименной прозаической басни Фенелона, а часто цитируемая антидворянская статья «О коммерции» (стр. 86—89) — перевод «Письма X» («Sur le commerce») из «Английских писем» Вольтера.

году был подписан мир с Турцией) для России вновь наступает эпоха мирного культурного и общественного развития при помощи последовательно проводимых правительством реформ. Об этом Богданович прямо писал в первом номере нового журнала: «Можно сказать со времени некоторого особого благополучия и спокойствия, восстановленного неусыпным попечением славной в свете монархини в подвластных ей областях: когда внешняя война пресеклась, когда внутренние бунты и раздоры разрушены, когда утомленные ими народы отдыхают в недрах спокойствия и милосердия, когда изобилие, науки и художества вновь ободряются и музам отверзается пространное поле, воспев победоносную государыню, прославить мир, тишину и блаженство ее подданных».²¹

Задуманный Богдановичем и в значительной степени новый по типу осуществленный журнал содержал разделы политики, литературы и критики: «Намерение издателей есть дать ведать о том, что происходит наиболее примечательного в сей империи, потом сообщаемы будут известия и о чужих областях, выбранные из лучших ведомостей. А к тому прибавлены будут другие партикулярные всякого рода известия, служащие к пользе нации и всего человечества: некоторые приличные ко времени и к журналу сочинения, как-то: речи, описания, стихотворствы и прочая, примечания на издаваемые вновь на российском языке книги, сочиненные или переведенные. Когда же будет место в журнале, то приобщены будут пиесы, избранные в роде моральном или просто забавные».²²

До «Собрания новостей» русская журналистика не знала изданий подобного типа, с такой обширной программой. Богданович создавал свой журнал с учетом изменившихся общественных потребностей, пытаясь совместить публицистику и собственно «литературу», балансируя между правительственными требованиями и потребностями читателя. Своеобразие позиции Богдановича-журналиста становится очевиднее из сопоставления «Собрания новостей» с его ближайшими предшественниками. От журнала Хераскова «Вечера» (1772) его отличает интерес к современности, к политике, установка на злободневность и актуальность материала. От «Кошелек», и тем более от «Живописца», «Собрание новостей» отличалось осторожностью в постановке крестьянского вопроса, умеренностью сатирических выступлений и активной пропагандой правительственных мероприятий.

²¹ «Собрание новостей», 1775, сентябрь, стр. 4.

²² Там же, стр. 3.

П. Н. Берков следующим образом характеризует позицию Богдановича в его новом журнале: «Известно, что Богданович начал свою литературную деятельность как один из левых учеников Хераскова: при рассмотрении журнала „Невинное упражнение“ было указано, что в условиях первых лет царствования Екатерины позицию Богдановича можно понять только как неприятие нового режима. Дальнейшая деятельность Богдановича была столь же радикальной, но пугачевское движение на него повлияло устрашающе, и с этого момента начинается его поправление. Документацией этого процесса и является журнал „Собрание новостей“ со всеми его политическими, философскими и литературными противоречиями».²³

С этой характеристикой идейного развития Богдановича трудно согласиться. Никакого «радикализма» в литературной деятельности Богдановича в период «Невинного упражнения» незаметно. Речь может идти только о склонности к философскому свободомыслию, самым ярким проявлением которого был перевод «Поэмы на разрушение Лиссабона». Не была «радикальной» и последующая деятельность Богдановича. Его переводы и оригинальные произведения второй половины 1760—начала 1770-х²⁴ годов не выходят за пределы умеренно-либеральной программы. Поэтому говорить о «поправлении» Богдановича после восстания Пугачева, как нам кажется, нет оснований, так как не было в идейной биографии Богдановича периода особой «левизны». Как и в ранней своей поэме «Сугубое блаженство» (1765), в «Собрании новостей» Богданович выступает сторонником *просвещенного абсолютизма*, выдвигая и подчеркивая в этой политической формуле ее первую часть, т. е. покровительство просвещению и споспешествование общественному прогрессу. В своем журнале Богданович безусловно поддерживает правительственные мероприятия. Так, в отрывке «Из китайских повестей»²⁵ он помещает анекдот, где высмеиваются противники последних правительственных мероприятий, направленных против чрезмерной роскоши, против дороговизны и т. д.

Свои же собственные политические пожелания Богданович выражает большей частью посредством переводного (или выдаваемого за переводный) материала статей, повестей, сообщений. В переведенной «из аглинского писателя» повести «День

²³ П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 324.

²⁴ Поэма «Сугубое блаженство» (1765), комедия Вольтера «Нанина, или Победенный предрассудок» (1766), «История о бывших переменах в Римской республике» Верто (1771—1775) и др.

²⁵ «Собрание новостей», 1775, декабрь, стр. 43—46.

не протекает без печали» царь хочет отдохнуть от дел и предписывает своим придворным быть веселыми. Из этого принудительного веселья, конечно, ничего не получается, кроме взаимных неудовольствий и подозрений. Характерен вывод, к которому приходит царь после неудачи с заказанным весельем: «Он изведаль опытом, что прискорбность не прекращается государственной властью, что царская воля бессильна над душевными печатлениями и что прямое удовольствие непременно требует свобод и вдохновенней».²⁶

Обстоятельная политическая хроника европейских и особенно французских событий давала Богдановичу возможность конкретно освещать различные проблемы законодательства и государственного управления. Особенное внимание уделил Богданович в своем журнале деятельности Тюрго. Назначенный в середине 1774 года генерал-контролером финансов виднейший французский экономист-физиократ Тюрго в течение своего двухлетнего правления хотел осуществить при помощи королевской власти целый ряд существенных реформ, которые должны были устранить все препятствия для свободного развития экономики Франции. Тюрго был убежден, что просвещенный абсолютизм в лице нового короля Людовика XVI (вступившего на престол 10 мая 1774 года) легко может осуществить программу экономических, а затем и политических реформ. Тюрго даже приписывали фразу: «Дайте мне пять лет деспотизма — и Франция станет свободной». Одно из важнейших мероприятий, проведенных Тюрго, был эдикт 1776 года об отмене гильдий (цехов), об освобождении ремесла от уз цеховой регламентации. В апрельском номере журнала Богданович отвел около сорока страниц королевскому эдикту и возражению на него прокурора.²⁷ В оценке этого эдикта сквозит искреннее восхищение Богдановича прогрессивными мероприятиями Тюрго (имя его, правда, не упоминается), и высказано оно без намека на русские порядки: «Во всем оном предисловии господствует дух мудрости и философии, не достигшей, может быть, еще донныне близко к престолу государей. Тут доказывают также высокие и дальновидные замыслы и правила, совсем отличные от старинного о порядках государственных неосновательного сведения. . . не видно тут ни жестокосердия, ни суровостей, свойственных законам, какие составляются для угнетения людей и для возложения на них бремени рабства: таким законам, которых законодатель, прикрывая пустыми и вымышленными предлогами страшный вид производимого им тиран-

²⁶ Там же, ноябрь, стр. 84.

²⁷ Там же, 1776, апрель, стр. 37—75.

ства, думает, что довольно того, когда скажет: „Да будет исполнена моя воля; таково мое удовольствие“». ²⁸

Не менее интересны были для русского читателя сведения о другой реформе, проведенной Тюрго, — об отмене натуральной дорожной повинности, т. е. обязанности крестьян являться на ремонт дорог по требованию властей. Известно, как тягостна была эта повинность для крестьян в России XVIII века! Чернышевский считал эту реформу одним из важнейших мероприятий министерства Тюрго: «Тюрго думал нанести старому общественному устройству удары еще более решительные. При тогдашнем стремлении публики к переменам сильное впечатление произвела брошюра, написанная под его влиянием. Она требовала отмены дорожной повинности; имя автора не было выставлено; предполагали, что написал ее Вольтер». ²⁹ Перевод этой брошюры также был напечатан Богдановичем в его журнале ³⁰ под выразительным названием „О невольных крестьянских работах“».

По всей видимости эта брошюра не принадлежит Вольтеру, но она написана талантливо и смело, касается весьма острых вопросов классовых отношений и должна была очень заинтересовать русских читателей журнала. В ней говорилось: «Благодарим государственного правления благотворительного соучастника, который свергает с нас двукратное иго казенных работ при дорогах и освобождает нас от нарядчиков на оные работы! Благодарим того, который, сокрушая бремя, самое ненавистное, какое только когда-нибудь удручало людей вольных, доставляет нам помощь на тех же самых больших дорогах, которые через столь долгое время орошаемы были нашими слезами! Таков есть народный глас, простирающийся от одного предела государства до другого». ³¹ В некоторых местах этой брошюры звучит явная антикрепостническая нота, тирада против невольничества выделена в «Собрании новостей» курсивом: «Мы избавлены будем навсегда от сих угнетателей, так точно, как от рабского и схоластического невольничества. Сие невольничество ведется и ныне еще в некоторых провинциях, отдаленных от столичного города: но сие наносит нам такое поношение, которое наше человеколюбивое и просвещенное правление не преминет без сомнения загладить». ³²

²⁸ Там же, стр. 38.

²⁹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. V, ГИХЛ, М., 1950, стр. 308.

³⁰ «Собрание новостей», 1776, май, стр. 23—36.

³¹ Там же, стр. 27.

³² Там же, стр. 29.

Чернышевский, критически оценивший экономические воззрения Тюрго, с несомненным сочувствием писал об этой брошюре: «В лагере привелегированных поднялся вопль печали и страха: предводитель аристократии, принц Конти, негодует; пылкий оратор парламента д'Эпремениль произносит грозные речи; парламент запрещает брошюру. Это значило делать вызов Тюрго; он принял бой, и 3 февраля 1776 года парламенту был сообщен эдикт, отменявший дорожную повинность».³³

Таким образом, Богданович в оценке деятельности Тюрго показал себя последовательным сторонником прогрессивных экономических реформ.

В «Невинном упражнении», соредактором которого был Богданович, печатался перевод из книги Гельвеция «Об уме». В «Собрании новостей», где Богданович является единоличным хозяином, также напечатан перевод из той же книги Гельвеция. Возможно, что он принадлежит издателю журнала. В «Собрании новостей» «чужой», не исходящий от Богдановича материал обычно имеет указание на авторскую принадлежность. Частично это произведения подписанные, частично сопровождаемые указанием на то, что они в журнал «присланы». Так, печатая перевод статьи «Свойство г. Локка, изображенное в письме к автору новостей ученой республики», Богданович дает к нему такое примечание: «Следующий перевод с аглинского языка, сообщенный нам при письме без имени, от неизвестного над оным трудившегося, мы издаем здесь с удовольствием, желая и впредь получать такие переводы».

Анонимные же переводы, по-видимому, принадлежат самому «издателю». В этом убеждает следующее обстоятельство: в декабре 1775 года Богданович одновременно с журналом принял на себя редактуру «СПб. ведомостей» и в них был помещен ряд переводов и рецензий, которые мы находим в то же время и в «Собрании новостей». Так, в «СПб. ведомостях» печатались «Ученые рассуждения о скуке» аббата Дюбо,³⁴ «Известие» (о парижских модах), сатирический очерк,³⁵ отчет о выборах Лагарпа во Французскую академию³⁶ и т. д. Все эти материалы в тех же самых переводах и без подписи находятся и в журнале; наиболее вероятно, что они все принадлежат Богдановичу. Наконец, перевод Гельвеция в «Собрании новостей» озаглавлен так, как вообще озаглавливал свои переводы Богданович. В «Лире» у него напечатаны два перевода под сходными на-

³³ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. V, стр. 308.

³⁴ «СПб. ведомости», 1776, №№ 55—57.

³⁵ Там же, № 62.

³⁶ Там же, №№ 68—70.

званиями: «Перевод стихов г. Волтера, славного французского писателя», «Перевод стихов г. Мармонтеля, французского писателя». Помещенные в «Собрании новостей» отрывки из книги Гельвеция названы: «Перевод из г. Гельвеция, французского сочинителя».

Самый выбор глав из книги Гельвеция также характерен для общей позиции Богдановича-журналиста. Он переводит из «Рассуждения I» главу IV «О неправильном употреблении слов», в которой Гельвеций занимается разъяснением смысла слова «свобода» и делает это в таком умеренно-либеральном духе, какой вполне соответствовал взглядам переводчика. «Свободный человек есть тот, который ни в окопах, ни в тюрьме не рабствует, страшась наказания. В сем смысле свобода человека состоит в вольном употреблении его могущества: я говорю его могущества, потому что было бы безрассудно назвать свободою немогущество наше подняться к облакам как орлы, обитать под водами как киты в море и сделаться королями, папами, или императорами. Таким образом, точная идея дана будет слову *свобода*, принятому в общем его знаменовании».³⁷ В такой трактовке из категории общественной свобода переводилась в круг понятий психологических; общественное содержание из него выхолащивалось и подменялось умозрительными сопоставлениями естественно-научного, а не социолого-политического характера.

В «Собрании новостей» Богданович ввел как новинку для русской журналистики своего времени постоянный отдел критических рецензий на новые книги. До «Собрания новостей» такого отдела не было ни в одном журнале, и, вводя его, Богданович еще раз показал себя писателем, живо откликающимся на новые потребности русских читателей. Критические отзывы Богдановича дают представление о его собственных литературных взглядах и вкусах, являются выражением его литературной программы.

Из современных авторов Богданович с особенным сочувствием отзывался о Майкове и Чулкове. О выходе двух трагедий Майкова «Агриопа» и «Фемист и Иеронима» Богданович писал: «Обе сии трагедии почитаются из лучших, сочиненных на российском языке».³⁸

Еще раньше, печатая стихи Майкова о торжествах в Москве по случаю заключения мира с Турцией, Богданович сопроводил их следующим примечанием: «Стихотворство господина Май-

³⁷ «Собрание новостей», 1776, апрель, стр. 10.

³⁸ Там же, сентябрь, стр. 125.

кова, известного многими хорошими своими сочинениями, делает их еще более достойными к помещению в сем журнале».³⁹ Из этого примечания ясно, что Богданович имел в виду и «Елисея» — наиболее значительное и лучшее произведение Майкова. Тогда становится понятной и та похвала, которой он встретил писателя другого круга, казалось бы, очень далекого и чуждого ему, Михаила Чулкова, в связи с выходом отдельного издания его поэмы «Плачевное падение стихотворцев», «Стихов на качели» и «Стихов на семик», печатавшихся ранее частью в журнале «И то и сьо» (1769), частью — в качестве приложения к нему. О поэмах Чулкова Богданович написал: «Сие небольшое собрание забавных стихотворений наполнено остроумными шутками и веселыми изобретениями, приличными к содержанию».⁴⁰ Характерно, что печатавшиеся в журнале Богдановича одновременно со стихами Майкова стихи Петрова не сопровождаются никакими примечаниями или похвалами.

Чулков и Майков были близки Богдановичу как авторы комических поэм, в которых мифология и поэтика героического эпоса высмеивались и пародировались при помощи современного бытового материала. В поэмах Чулкова и Майкова впервые быт русского города стал предметом художественной разработки. Это имело очень серьезное значение для всего дальнейшего развития русской поэзии 1770—1780-х годов. Поэмы Чулкова и Майкова в какой-то мере подготовили поэзию Державина, где сатирическое изображение современного быта является одним из самых существенных элементов всей творческой работы. Сам Богданович в это время был занят работой над собственной пародийной поэмой. По данным его автобиографии, «Душеньку» он закончил в 1775 году.⁴¹ Так ли было в действительности — неизвестно. Полностью «Душенька» была опубликована только в 1783 году, поэтому о форме, в какой эта поэма существовала в период издания Богдановичем «Собрания новостей», мы можем судить лишь по первой песне поэмы, опубликованной в 1778 году.⁴² В предисловии М. Ф. Каменского, издателя «Душенькиных походов», читателям предлагалось определить свое отношение к новому, своеобразному литературному явлению, каким была, очевидно, на взгляд современников, «сказка в стихах» Богдановича: «Присланное мне сочинение

³⁹ Там же, 1775, октябрь, стр. 4.

⁴⁰ Там же, сентябрь, стр. 122.

⁴¹ См.: «Русская поэзия». Под ред. С. А. Венгерова, т. I. СПб., 1897, стр. 553.

⁴² И. Ф. Богданович. Душенькины походы, сказка в стихах. М., 1778.

под именем «Душинькины похождения» сообщаю почтенной публике: ее-то заключения послужат мне правилом, что должен думать я о своем вкусе».⁴³

Работа над иронико-комической поэмой требовала от Богдановича переосмысления многих установившихся и привычных литературных представлений. Выработка собственных принципов построения пародийной поэмы необходимо требовала критического пересмотра и переоценки «серьезного» эпического жанра, на высмеивании которого создавались иронические поэмы Чулкова, Майкова и примыкавшая к ним «Душенька».

Воспользовавшись как поводом предстоящим выходом в свет русского (прозаического) перевода «Илиады», выполненного Якимовым, Богданович поместил в «Собрании новостей» большую статью с критикой гомеровского эпоса. Представляя собой своеобразный критический комментарий к «Душеньке», она формулирует очень важные творческие принципы Богдановича, и потому мы приводим ее почти целиком, с очень незначительными сокращениями: «Илиада, поэма древнего греческого стихотворца Гомера, хотя еще только в печать назначена, но можно о сей книге сообщить некоторые примечания. . . Любители древности говорят о сей поэме, что она вся наполнена высокими мыслями, высокими изображениями, высоким слогом и сочинителя оной почитают божеством парнасским. Но в нашем веке множество неверных с некоторою уповательною смелостью разрушают олтарь сего бога. Сии нововерцы все в ней критиковали и самое расположение сей поэмы. Говоря же, во-первых, о плане, они входят потом во все подробности оной. Они считают весьма странным описанием, что цари и великие полководцы сами на поварне стряпают, что везде не забыто любимое их кушанье, то есть говядина, баранина и свинина, жареная на угольях; что богатство их состоит только в скоте; что они дарят друг друга котлами, таганями и вещьми, тому подобными; что Гомер иногда заставляет плакать своих героев, иногда же в спорах они говорят друг другу толь низкие брани, как будто бы они все были пьяные нищие. Те же критики находят произведения его богов грубыми сказками. Они критикуют к тому уподобления, эпитеты и частые повторения. По их мнению, Гомер всегда следует одному своему стремительному и необузданному воображению, без всякого разбора; всегда выходит из своей материи и прилепляется к эпизодам и самым безделицам; более старается хорошо сказать, чем хорошо мыслить; притом еще слог его часто находят без благородных мыслей простонароден,

⁴³ Там же, нумерованная страница.

без стихотворных украшений простонаряден, или, лучше сказать, украшения его редко на наш вкус годятся. Мораль его также не нравится критикам и во многих местах они находят ее весьма вредною и совсем противу добрых нравов. Защитники Гомеровы, находя в нем некоторую часть сих пороков, находят в нем притом наивеличайшие красоты. . . Можно во всех веках подражать некоторым красотам его, хотя в нынешние времена цари и полководцы сами на поварнях не стряпают. Чаятельно Гомер, если бы жил с нами, имел бы к ним боле почтения». ⁴⁴

Многие выражения статьи повторяются дословно в «Душенькиных похождениях». «Отцом стихов» называется Гомер и в статье, и в поэме. О «драках» гомеровских героев и их любви к пирам в поэме говорится тем же тоном, что и в статье:

О, если б ты, Гомер, проснулся,
Любя твоих героев честь,
Которы так, как драку весть,
Со вкусом знали пить и есть.
Ты б, слыша стих мой, ужаснулся,
Что слабый будучи певец,
Тебе, дерзнул я, наконец,
Подобиться, стихов Отец;
Ты мог бы описать достойно
Великолепие пиров,
У царских греческих дворов,
О коих ты вещал толь стройно. ⁴⁵

В первом полном издании «Душеньки» 1783 года Богданович этот полемический выпад против Гомера смягчил. Вместо «как драку весть» стало «забывая мечь».

Ироническое отношение к эпической поэзии, к ее героям и событиям показывает, как формировалось в сознании Богдановича представление о новом для русской поэзии жанре — поэме-сказке, первым и, пожалуй, самым блестящим образцом которой в русской литературе стала его «Душенька». Ирония по отношению к мифологическим сюжетам и героям была одним из проявлений духа новой преромантической эпохи, шедшей на смену классицизму в литературе.

Журнальная, переводческая и критическая деятельность Богдановича в сопоставлении с общим ходом литературного развития 1760—1770 годов дает ценный материал для установления общих закономерностей литературного процесса второй половины XVIII века.

⁴⁴ «Собрание новостей», 1775, ноябрь, стр. 102—104.

⁴⁵ И. Ф. Богданович. Душенькины похождения, сказка в стихах. М., 1778, стр. 9. (Курсив наш, — И. С.).